

Д. В. Прахт

Отношение раннехристианских апологетов к античной философии

УДК 27-9"01/02"-284:1(3)(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_12
EDN ZEКАОО

Аннотация: В статье исследуется отношение раннехристианских апологетов к античной философии. Проанализированы сочинения наиболее известных апологетов: Татиана, Ермия, Тертуллиана, Иустина Философа, Афинагора, Феофила Антиохийского и др. Показаны различные оценки античной мысли апологетами: от полного неприятия до компромисса. В христианстве апологеты видели истинную философию, которая давала ответы на все вопросы. Античную философию они воспринимали как подготовку и движение к христианству. Поэтому даже негативно относящиеся к философии апологеты уверенно использовали ее язык и методологию как инструментарий в своих сочинениях.

Ключевые слова: апологеты, христианство, философия, мудрость, античность.

Об авторе: **Денис Викторович Прахт**

Кандидат богословия, заведующий церковно-практической кафедрой в Тобольской духовной семинарии.

E-mail: denis444555@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3485-8354>

Для цитирования: Прахт Д. В. Отношение раннехристианских апологетов к античной философии // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 12–21.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 10.04.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2023

Denis V. Pracht

**The Attitude of Early Christian Apologists
Towards Ancient Philosophy**

UDK 27-9"01/02"-284:1(3)(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_12
EDN ZEKAOO

Abstract: The article explores the attitude of early Christian apologists towards ancient philosophy. The writings of the most well-known apologists, including Tatian, Hermias, Tertullian, Justin Martyr, Athenagoras, Theophilus of Antioch, and others, are analyzed. Different assessments of ancient thought by the apologists are demonstrated, ranging from complete rejection to compromise. Christianity was seen by apologists as a true philosophy that provided answers to all questions. They perceived ancient philosophy as a preparation and movement towards Christianity. Therefore, even apologists who had a negative view of philosophy confidently used its language and methodology as tools in their writings.

Keywords: apologists, Christianity, philosophy, wisdom, antiquity.

About the author: **Denis Victorovich Pracht**

Candidate of Theology, Head of the Church Practical Department at Tobolsk Theological Seminary.

E-mail: denis444555@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3485-8354>

For citation: Pracht D.V. The Attitude of Early Christian Apologists Towards Ancient Philosophy. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 4, pp. 12–21.

The article was submitted 12.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 10.04.2023.

В античном мире философия понималась как «поиск истины о природе вселенной и человека» [Армстронг, 2003, 7]. Апологеты стремились защитить христианские верования перед лицом властей и общества. Для этого «они стремились показать христианские истины понятными и привлекательными для людей, знающих философию» [Армстронг, 2003, 175]. Они, цитируя античных философов, используя соответствующую терминологию и понятия, показывали, что могут говорить с просвещенным светским обществом на одном языке. Апологеты в своих текстах показывали, что «христианское благовестие и есть истинная философия» [Морескини, 2011, 77]. Апологеты начинают говорить не с простым народом, но пишут для людей образованных. «Они общаются с образованным меньшинством, включая правителей Римской империи. Они обращаются к ним лично как к людям высшей культуры (пайдеи). Защитники христианства должны были прибегнуть к философской аргументации по всем вопросам» [Йегер, 2014, 55]. Апологеты создали основу для дальнейшего формирования целостной системы христианского богословия.

Отношение апологетов к наследию античного мира не было однозначным. Так, «сходясь между собой в критике язычества, апологеты проявляли различные отношения к эллинской культуре и философии. Одни из них полностью отрицали их пользу и значение для христианства, другие ставили высоко деятельность человеческого разума и приписывали его достижения действию Логоса, Который явился на земле и сообщил людям полноту истины» [Старокадомский, 1961, 43].

Рассмотрим сначала труды тех из них, которые не находили ничего положительного в античной культуре, ядром которой была философия.

Первым ярким представителем указанного направления является Татиан Ассириец. Будучи уроженцем Сирии и выходцем из языческой среды, Татиан изучал философию и много путешествовал, посещал разные философские школы с целью разрешения высших вопросов о Боге и человеке, пока не прибыл в Рим. Там он стал учеником св. Иустина Философа и пришел к заключению, что единственная истинная философия — это христианское учение. Однако, в отличие от своего учителя, Татиан дает крайне негативную оценку попыткам обрести правильные понятия о Боге на путях философии. После смерти св. Иустина Татиан отправился в Сирию, где впал в гностические заблуждения. Из его апологий до нас дошла лишь одна — «Речь против эллинов», в которой автор наглядно продемонстрировал свое сугубо отрицательное отношение к греческой культуре. «Речь» Татиана изобилует очень резкими выпадами, порой недостойными полемического тона: «...вы, эллины, на словах болтливы, а умом глупы» [Татиан: *Речь против эллинов*, 1988, 382], «ваши суждения исполнены зависти и великой глупости» [Татиан: *Речь против эллинов*, 1988, 397], «смеюсь над бабьими сказками Ферекида, Пифагора... и Платона» [Татиан: *Речь против эллинов*, 1988, 372]. Татиан отрицает не только философию, но и всю греческую мудрость, культуру и грамматику. Беспощадно обличает он весь жизненный уклад эллинов, указывая на распространение многих гнусных пороков, явно не соответствующих проповедуемым философами высоким добродетелям: «Вы говорите о презрении смерти и проповедуете о воздержании. Но философы ваши так далеки от воздержания, что некоторые ежегодно получают от римского царя шестьсот золотых монет не для какого-нибудь полезного дела, но для того, чтобы они не даром носили отпущенную бороду» [Татиан: *Речь против эллинов*, 1988, 387]. В театре ученик св. Иустина видит только разврат; скульптура и поэзия, по его мнению, также восхваляют распутство. Указывая на многочисленные противоречия между философскими учениями, Татиан делает из этого следующие выводы об эллинах: «Вы разделяли мудрость, удалили себя от истинной мудрости и... споря между собою, сами ниспровергаете друг друга. Поэтому все вы ничто; хотя присваиваете себе дар слова, но рассуждаете как слепой с глухим... К чему ваши речи, когда сами вы далеки от дел, ибо в счастье надмеваесть, а в неудачах падаете духом?» [Татиан: *Речь против эллинов*, 1988, 393].

Когда же Татиан окончательно убедился в нелепости языческих представлений о Божестве, то, обратившись к книгам «варварской философии», как он именует

христианство, в них обрел истину. Вот как он сам повествует об этом: «Когда я увидел все это, когда ознакомился с мистериями, исследовал различные виды богопочтения, совершаемые людьми женоподобными и гермафродитами... тогда я углубился в самого себя и исследовал, каким образом могу найти истину. В то время как ум мой рассматривал все лучшее, я напал на одни книги варварские, которые древнее эллинских учений, и столь божественны, что не могут быть сравниваемы с их заблуждениями; и я поверил этим книгам, по простоте их речи, безыскусственности писателей, удобопонятности объяснения всего творения, предведению будущего, превосходству правил и, наконец, по учению о едином Властителе над всем. Итак, душа моя, вразумленная Богом, поняла, что одни книги влекут за собой осуждение, а другие разрушают рабство, находящееся в мире, освобождают нас» [Татиан: *Речь против эллинов*, 1988, 394]. Из приведенного отрывка видно, что обращение к пути истинного боговедения Татиан приписывает «мощному действию на душу человека Божественного Слова, данного в Священных книгах» [Старокадомский, 1961, 48].

Итак, в своей «Речи» Татиан осуществляет резкое противопоставление христианства всей языческой культуре. Характерно, что христианству апологет усваивает наименование «варварской философии» [Татиан: *Речь против эллинов*, 1988, 404], что и объясняет отчасти столь непримиримую его позицию в отношении к мирской мудрости. «Татиан был приобщен к греческой культуре, но не доверял ей. Татиан яростно осуждал тот путь, которым двигалось христианство в его время: он предупреждал христиан, что будущее их общего дела зависит не от постепенного усвоения греческой культуры, а от того, смогут ли они сохранить его безупречно чистым» [Йегер, 2014, 64].

Среди произведений христианских апологетов II в. есть еще одно сочинение, очень близкое по своему мировоззрению к «Речи против эллинов» Татиана. Этот труд, приписываемый Ермию Философу, носит название «Осмеяние языческих философов». В своем произведении Ермий, полемизируя с язычниками в саркастическом тоне, обличает многообразные и зачастую противоречивые взгляды их философов. Так, например, апологет смеется над учениями античных мудрецов о душе: «То я бессмертен и радуюсь, то я смертен и плачу; то разлагают меня на атомы: я становлюсь водою, становлюсь воздухом; то я не воздух и не огонь, но меня делают зверем, или превращают в рыбу. Является, наконец, Эмпедокл и делает из меня растение» [Ермий, 1999, 197]. Указав на данные противоречия, автор приходит к следующему выводу: «Если философы разноречат таким образом в учении о душе человека, тем более они не могли сказать истину о богах или о мире» [Ермий, 1999, 197]. Кроме того, апологет связывает возникновение эллинской философии с «грехопадением ангелов» (Быт 6:2), тем самым присваивая ей «демоническое происхождение, исключаящее возможность отражения в философии Божественной Истины» [Сидоров, 1996, 147].

И, пожалуй, самым ярким неприятелем греческой культуры и мысли среди раннехристианских апологетов является Тертуллиан. Личность этого человека, полная самых различных противоречий, вызывает у исследователей неоднозначную оценку. «Он и апологет, и „анти-гностик“, и ересиолог, полемист против монархиан и защитник монтанистов и сам монтанист» [Поснов, 1964, 181].

Квинт Септимий Флоренций Тертуллиан родился около 160 г. в патрицианской семье римского центуриона в Карфагене. «Получив в молодости превосходное научное образование в области словесности, философии, права. Получив профессию адвоката» [Фокин, 2005, 44], Тертуллиан до своего обращения в христианство вел вольную жизнь, свойственную языческому обществу того времени, но после крещения сделался ревностным христианином. Обладая пылким темпераментом, Тертуллиан, подобно Татиану, уклонился от православия и впал в монтанизм. Однако и здесь, «как человек с ярко выраженной индивидуальностью, он не удовлетворился... системой монтанизма, а реформировал его, найдя в этом деле себе единомышленников, которые образовали вокруг него кружок под именем „тертуллианистов“» [Поснов, 1964, 182].

Обратившись к многочисленным сочинениям Тертуллиана, мы видим, что красной нитью через них проходит тема глубокой неприязни ко всей греческой культуре. В то же время «сам апологет находился под глубоким влиянием стоической мысли» [Армстронг, 2003, 185]. Тертуллиан видел эллинскую мудрость родоначальницей всех ересей, апологет восклицает: «Что общего между Афинами и Иерусалимом, между Академией и Церковью, между еретиками и христианами?» [Тертуллиан: *О прескрипции*, 1994, 402]. «Истину христианского Откровения Тертуллиан воспринял чувством» [Благоразумов, 2001, 22], поэтому «в своих творениях он выступает решительным противником философии и рационального пути богопознания, не делая различия между отдельными философскими системами, апологет «порицает даже те из них, которые пользовались уважением христиан» [Старокадомский, 1961, 52]. По мнению Тертуллиана, вообще ничему хорошему научиться у философов нельзя.

Интересна позиция, занимаемая Тертуллианом в отношении культуры и искусства. Прежде всего, многие достижения культуры, которые так ценит античный мир, казались ему происками демонов. Основываясь на ветхозаветных запрещениях делать какие-либо изображения (Исх 20:4), Тертуллиан приходит к выводу, что всякое изобразительное искусство имеет греховную природу и происходит от демонов. Практически все сферы культуры и творчества для него несут печать порока и противоречат вере. Античная светская литература представлялась ему не более чем «глупостью перед очами Господа». «У нас, христиан, достаточно своих книг, стихов, изречений, славословий и песнопений, и причем истинных, а не лживых, простых, а не поэтически изощренных» [Тертуллиан: *Об идолопоклонстве*, 1994, 292], — утверждает апологет. Тертуллиан призывает художников «переквалифицироваться» в маляры и штукатуры, а скульпторов — в столяры, только чтобы они не делали никаких изображений: «Не легче ли будет тому, кто способен нарисовать картину, расчертить стену? Вырезающему из липы Марса — сделать шкаф?» [Тертуллиан: *Об идолопоклонстве*, 1994, 292]. Налицо, таким образом, тенденция к упрощению культуры и сведению искусства к ремеслу, что кажется более благочестивым и соответствующим духу христианской веры. Очень ярко характеризует позицию апологета в данном вопросе следующее его высказывание: «Богу не угодно то, что Он не творил» [Тертуллиан: *О женском убранстве*, 1994, 348]. Таким образом, всякая языческая культура, в том числе и культура мысли, уже осуждается Тертуллианом как богопротивное дело рук человеческих.

Итак, мы рассмотрели суждения апологетов, высказывающих негативную оценку в отношении эллинской философии и культуры. Такое отношение можно объяснить тем, что в плодах эллинистической культуры апологетам данного направления виделся прежде всего их языческий, «диавольский» корень, следовательно, пользоваться ими значило «брать в помощники сатану» [Тертуллиан: *О женском убранстве*, 1994, 352]. В данном случае, критикуя язычество, апологеты «связывают философскую оценку с нравственной, и отличие его от христианства рассматривается ими не только как отличие заблуждения от истины, но и как отличие порочности от праведности» [Карсавин, 1994, 41–42]. Стоит отметить, что «на фоне критики языческой религии и философии складывались собственно христианские представления о Боге, мире и человеке. Политеизму противопоставлялось учение о едином, вечном Боге» [Никифоров, 2008, 93]. Кроме того, негативное отношение к античной мысли отчасти объясняется «недостаточно глубоким их проникновением в ход развития эллинской философской мысли, что отразилось на равнозначном сопоставлении таких мыслителей, как Пифагор, Платон и Аристотель, с одной стороны, и Диоген, Ферекид и Аристипп, с другой, хотя ни по высоте полета философской мысли, ни по глубине ее содержания обе группы не могут быть поставлены в один ряд» [Старокадомский, 1961, 59].

Такой взгляд все-таки не получил одобрения большинства апологетов, которые более терпимо отнеслись к поискам греческой мысли, видя и правильно оценивая в ней «глубокое предчувствие Божества, Божественного Логоса, рассеивавшего семя, лучи истины» [Поснов, 1964, 27]. Остановимся теперь подробнее на их творениях.

Защитники Церкви должны были решить нелегкую задачу: оставаясь оппонентами язычества, указать на те его стороны, которые были приемлемыми и для христианства. Одной из этих сторон являлась греческая философия, которая еще в древности, в лице лучших своих представителей, «первая восстала против языческого многобожия и проповедала единого духовного Бога свободною разумною проповедью» [Гайденок, 1994, 12]. В области философии апологетам было необходимо выделить и указать язычникам ту ее область, которая не противоречила религии Откровения, но являлась частичным Богооткровением, «даром Божиим для эллинов».

В этой связи апологеты использовали стоическое учение о семенах Логоса, рассеянных в мире, присваивая, однако, в отличие от стоиков, Логосу свойства Божественной Личности и отождествляя Его с Сыном Божиим. Наиболее ярко христианское понимание идеи Логоса выражено среди апологетов у св. Иустина Философа.

Святой Иустин родился в палестинском городе Флавии Неаполе в языческой семье. Имея с ранних лет горячее стремление к познанию истины и не находя ее в распадающемся язычестве, он обратился к изучению философии и здесь «переходил от одной системы к другой, пока не нашел в христианстве того, чего искала его душа, томившаяся жаждой истины и внутреннего мира» [Преображенский, 1995, 15]. После принятия Крещения св. Иустин не сбросил философской мантии, «которая привлекала, как известная одежда мудрецов, к нему внимание и облегчала доступ для собеседований на религиозно-философские темы» [Преображенский, 1995, 15]. Также после принятия Крещения он не оставляет своих занятий философией и в своих трудах пытается соединить языческую мудрость и христианство. Особенную симпатию св. Иустин проявляет «к мысли Платона и платоников, использует стоическую терминологию» [Армстронг, 2003, 175]. До нас дошла значительная часть его творений, из которых наибольший интерес в связи с темой настоящей статьи представляют Первая и Вторая апологии, а также «Разговор с Трифоном иудеем». В данных сочинениях христианский философ, основываясь на том положении, что истина едина, приходит к выводу, что Божественное Откровение и результаты истинной философии, как плоды чистой мысли, не должны находиться в противоречии» [Иванов, 1996, 68]. «Философия поистине есть величайшее и драгоценнейшее в очах Божиих стяжание: она одна приводит нас к Богу и делает нас угодными Ему, и подлинно святы те, которые устремили свой ум к философии» [Иустин Философ: *Разговор*, 1995, 134], — пишет он в «Разговоре с Трифоном иудеем». «У всех, кажется, есть семена истины» [Иустин Философ: *Апология I*, 1995, 74], — говорит св. Иустин, утверждая таким образом идею Логоса, Божественного Слова, Которому причастны все люди и через Которого истина частично открывалась и до Христа.

Ветхозаветные пророки и языческие философы носили в своей душе это семя. Так, например, «Сократ и Гераклит, и им подобные», которые «жили согласно с Логосом, суть христиане, хотя бы считались за безбожников» [Иустин Философ: *Апология I*, 1995, 75]. Таким образом, между христианством и философией нет противоречия, ибо из всех людей, живших до Христа, «всякий говорил прекрасно потому именно, что познавал отчасти сродное с посеянным Словом Божиим. А те, которые противоречили сами себе в главнейших предметах, очевидно, не имели твердого метода и неопровержимого познания» [Иустин Философ: *Апология II*, 1995, 118]. Из этого апологет делает следующий вывод: «Итак, всё, что сказано кем-нибудь хорошего, принадлежит нам христианам... Все те писатели посредством врожденного семени Слова могли видеть истину, но темно. Ибо иное дело семя и некоторое подобие чего-либо, данное по мере приемлемости; а иное то самое, чего причастие и подобие даровано по Его благодати» [Иустин Философ: *Апология II*, 1995, 119]. Таким образом, апологет поставляет христианство в центр мировой истории. Согласно его взгляду, не христиане заимствуют свое учение у древних мудрецов, но напротив, сами знания этих мудрецов являются «смутным чаянием христианской истины» [Карсавин, 1994, 19] и выражают стремление к ней. Поэтому, хотя учение философов во многом согласно с учением Христа, однако последнее неизмеримо выше, и все прекрасные и благородные

мысли в окончательной форме высказаны в Евангелии (см.: [Иванов, 1996, 50]). Важно также указанное св. Иустином существенное отличие христианства от отвлеченных философских систем мысли: оно не является плодом учености и изобретательности, потому что «произошло не от человеческой мудрости, но изречено силой Божией» и поэтому доступно всем, в том числе и тем, «которые и букв не знают» [Иустин Философ: *Апология I*, 1995, 91]. Святой Иустин проявлял разносторонний интерес к языческой философии, «что помогло ему создать хорошо организованную систему, в рамках которой христианская катехизическая традиция объединяется с философской культурой своей эпохи» [Морескини, 2011, 78].

Следующим апологетом, пытавшимся примирить христианство с лучшими достижениями античной мысли, является Афинагор Афинянин. Исторических сведений о его жизни почти нет, а единственное свидетельство писателя V в. Филиппа Сидского не может иметь серьезного и достоверного значения (см.: [Киприан Керн, 1996, 130]). Однако, исходя из стиля его произведений и манеры изложения мыслей, можно предположить, что апологет изучал философию и риторику, о чем также свидетельствует частое цитирование им греческих поэтов и философов. Философы, по его мнению, «искали истину, потому что они испытывали некоторую склонность к дыханию Божью, что приводило их к выстраиванию различных – во многом противоречащих друг другу – учений, в то время как христиане располагают свидетелями истины (пророками), которых вдохновляет Сам Бог» [Морескини, 2011, 77]. В сохранившемся до наших дней апологетическом сочинении «Прошение о христианах» Афинагор обличает несообразность языческих верований, ссылаясь при этом на их критику самими греческими писателями (см.: [Киприан Керн, 1996, 130]). Опровергая обвинение христиан в безбожии, автор «Прошения» указывает на родство христианской мудрости философии Платона: «Итак, если не безбожник Платон, который признаёт единого Творца вселенной, несотворенного Бога, то не безбожники и мы, которые признаём и почитаем Бога, Который все сотворил Словом и все содержит Духом Своим» [Афинагор, 1988, 416]. Апологет, вслед за св. Иустином, указывает на некоторую близость языческих мудрецов к Истине, обусловленную частичным присутствием Божественного Духа в каждом человеке. Так, защищая христианское учение о Едином Боге, он пишет: «Поэты и философы догадочно касались этого предмета, движимые каждый своею душою испытать, не удастся ли ему найти и познать истину» [Афинагор, 1988, 416]. Однако, несмотря на указанное «сродство», постигнуть Божественную истину они не смогли, поскольку хотели приобрести познание о Боге не от Бога, а каждый своим умом, «христиане же имеют основанием своей веры и своего ведения о Боге не мнения человеческие, но откровение Духа Божия» [Афинагор, 1988, 417].

Еще одним церковным писателем указанного направления, о котором сохранилось очень мало сведений, является Мелитон Сардийский. Известно, что он был епископом малоазийского города Сарды во 2-й пол. II в. Творения этого учителя Церкви были «столь широко распространены среди древних христиан, что фрагменты их сохранились на греческом, латинском, сирийском, коптском, арабском, эфиопском, грузинском и армянском языках, и их открытие, по мнению специалистов, стало одним из важнейших в патрологии XX века» [Дунаев, 1999, 419]. Его апология, адресованная императору Марку Аврелию, не дошла до нас в полном объеме, но сохранились некоторые фрагменты у Евсевия Кесарийского в его «Церковной истории». Характерно, что апологет именует здесь христианство философией, то есть говорит о ней в «смысле, общем для той эпохи, как о мировосприятии или образе жизни», утверждая за ней не абстрактный, а именно религиозный смысл» [Дунаев, 1999, 635]. Сохранившиеся отрывки творений еп. Мелитона красноречиво говорят о знакомстве автора не только с плодами античной философии.

В духе указанного направления, хотя с более строгой оценкой философии, выступает св. Феофил Антиохийский. Святитель происходил из интеллектуальной языческой среды, но получил эллинистическое образование, позволившее ему ознакомиться с произведениями классических писателей и философов древности. В христианство

апологет обратился уже в зрелом возрасте, после долгих размышлений и изучения Св. Писания, особенно под влиянием пророческих ветхозаветных книг. В своей трилогии «К Автолику» свт. Феофил показывает основательное знание языческой литературы. «Страницы его пестрят ссылками на Софокла, Гомера, Гесиода, Сивиллианские книги» [Киприан Керн, 1996, 146]. Апологет видит у языческих мудрецов главным образом одни несообразности и противоречия, считая их потому неспособными привести людей к истине, «ибо все они, любя пустую суетную славу, ни сами не познали истины, ни других не привели к истине» [Феофил Антиохийский, 1999, 171]. Поэтому св. Феофил считает бессмысленным чтение эллинских писателей, «ибо пишущие о том, что недостоверно, некоторым образом бьют в воздух». Кроме того, он обличает языческих писателей за их безнравственные проповеди: «Зенон и Клеант проповедовали человекоубийство, Платон советовал ввести общность жен, Эпикур стоял за кровосмешение» [Феофил Антиохийский, 1999, 173]. При этом автор вовсе не отменяет безоговорочно языческую мудрость, но пытается лучшие ее проявления согласовать с библейскими пророками. Апологет указывает, что греческие «поэты и философы возвестили о правде, суде и наказании, кроме того, неволью говорили и о Промысле... ибо побеждаемы были истиной» [Феофил Антиохийский, 1999, 170], оставляя и за ними возможность частичного приобщения к Истине, раскрытия естественного стремления души к познанию Бога.

Последним среди рассматриваемых нами апологетов является Минуций Феликс. О его жизни не сохранилось никаких данных. О личности апологета можно судить только по его произведению «Октавий», исходя из которого предполагают, что автор — бывший язычник африканского происхождения, получивший хорошее риторическое образование, — был адвокатом в суде и обратился в христианство уже в зрелом возрасте. В данном сочинении апологет подвергает критике несовершенство языческих религиозных верований. «Их традиции, обряды, жертвоприношения и оракулы являются изображениями демонов» [Киприан Керн, 1996, 155]. Однако он не отвергает всю языческую мудрость, а считает, что греческая философия в лице своих лучших представителей только подтверждает христианство: «я изложил мнения почти всех философов, — пишет апологет, — они различными именами указывали единого Бога, так что иной подумает, что или нынешние христиане философы, или философы были уже тогда христианами» [Минуций Феликс, 1988, 566]. Многие глубокие и возвышенные мысли философов, согласно Минуцию Феликсу, не являются изобретениями человеческого ума, но «преданы от Бога» [Минуций Феликс, 1988, 564]. Кроме того, языческие философы «заимствовали некоторую тень истины из божественных предсказаний пророков» [Минуций Феликс, 1988, 584], чем и объясняются многие сходные моменты в их учении. Мы видим, что Минуций, занимая сдержанную позицию по отношению к философии, «демонстрирует превосходство христианства, считая, что оно и есть истинная новая философия» [Морескини, 2011, 271].

Подводя итог, можно заметить, что апологеты данного направления, с исключительной терпимостью относясь к наследию греческой мысли, умело ее оценивают и выделяют в ней все существенно важное. Вся земная история рассматривается апологетами в отношении к пришествию Спасителя, Которым явился Сам Бог, Божественный Логос, как приготовление мира, не только иудейского, но и языческого, к этому событию. Совершившееся в истории таинство Боговоплощения становится ее центром, сообщающим ей новый смысл. Поэтому, понимая эллинскую философию как подготовку и движение к христианству, апологеты смело пользуются ее языком, методом и открытиями. Вне зависимости от отношения к античной философии, «апологеты показывали себя ее знатоками, позиционировали себя людьми прекрасно эрудированными, образованными в эллинских науках» [Легеев, 2015, 90]. Так, в апологиях мы видим прекрасное владение всеми апологетами философской терминологией, историей, поэзией, мифологией. Отталкиваясь от «смутного чаяния истины» в творениях древних философов и опираясь на Божественное откровение, древние

апологеты вырабатывают свою христианскую философию, внутреннее единство которой противопоставляют противоречивому многообразию языческой мудрости.

Апологетам, как мы видели, чуждо внесение каких-то разделений между верой и знанием. Христианство для них — прежде всего учение, обладающее всей полнотой истины. Оно не является отвлеченным бесплодным знанием, но коренным образом влияет на всю человеческую жизнь. Это учение естественно для человека, поскольку происходит от Бога, сотворившего его по Своему образу и подобию и наделившего его разумом. И в то же время сверхъестественно: оно выше естества настолько же, насколько Творец выше Своего творения. Поэтому высшая цель человека состоит в познании Бога-Творца и служении Ему. Вера никак не может быть противоположна истинному знанию, поскольку является его неотъемлемым условием: только доверив, предав себя Богу, человек становится способным к знанию Его.

Источники и литература

Источники

1. Афинагор (1988) — *Афинагор Афинский*. Прошение о христианах // Ранние Отцы Церкви: Антология. Мужья апостольские и апологеты. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. С. 410–449.
2. Ермий (1999) — *Ермий*. Осмеяние языческих философов // Сочинения древних христианских апологетов. СПб.: Алетейя, 1999. С. 196–202.
3. Иустин Философ: *Разговор* (1995) — *Иустин Философ*. Разговор с Трифоном иудеем // *Иустин Философ и мученик*. Творения. М.: Паломник; Благовест, 1995. С. 132–358.
4. Иустин Философ: *Апология I* (1995) — *Иустин Философ*. Апология I // *Иустин Философ и мученик*. Творения. М.: Паломник; Благовест, 1995. С. 31–104.
5. Иустин Философ: *Апология II* (1995) — *Иустин Философ*. Апология II // *Иустин Философ и мученик*. Творения. М.: Паломник-Благовест, 1995. С. 105–121.
6. Минуций Феликс (1988) — *Минуций Феликс*. Октавий // Ранние Отцы Церкви: Антология. Мужья апостольские и апологеты. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. С. 545–590.
7. Татиан: *Речь против эллинов* (1988) — *Татиан*. Речь против эллинов // Ранние Отцы Церкви: Антология. Мужья апостольские и апологеты. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. С. 370–404.
8. Тертуллиан: *О прескрипции* (1994) — *Тертуллиан*. О прескрипции // *Тертуллиан*. Избранные сочинения / Общ. ред. А. А. Столярова. М.: Прогресс-культура, 1994. С. 106–129.
9. Тертуллиан: *Об идолопоклонстве* (1994) — *Тертуллиан*. Об идолопоклонстве // *Тертуллиан*. Избранные сочинения / Общ. ред. А. А. Столярова. М.: Прогресс-культура, 1994. С. 249–270.
10. Тертуллиан: *О женском убранстве* (1994) — *Тертуллиан*. О женском убранстве // *Тертуллиан*. Избранные сочинения / Общ. ред. А. А. Столярова. М.: Прогресс-культура, 1994. С. 345–357.
11. Феофил Антиохийский (1999) — *Феофил Антиохийский, свт.* К Автолику // Сочинения древних христианских апологетов. СПб.: Алетейя, 1999. С. 128–191.

Литература

12. Армстронг (2003) — *Армстронг А. Х.* Истоки христианского богословия. Введение в античную философию. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 256 с.
13. Благоразумов (2001) — *Благоразумов Н. В., прот.* Святоотеческая хрестоматия. М.: Круг чтения, 2001. 687 с.
14. Гайденко (1994) — *Гайденко П. П.* Конкретный идеализм С. Н. Трубецкого // *Трубецкой С. Н.* Сочинения. М.: Мысль, 1994. С. 3–41.

15. Дунаев (1999) — *Дунаев А. Г.* Предисловие к творениям Мелитона, еп. Сардийского // Сочинения древних христианских апологетов. СПб., 1999. 679 с.
16. Иванов (1996) — *Иванов Н.* Святой мученик Иустин Философ // ЖМП. 1996. № 7. С. 65–69.
17. Йегер (2014) — *Йегер В.* Раннее христианство и греческая пайдейя М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2014. 216 с.
18. Легеев (2015) — *Легеев М.* Патрология. Период Древней Церкви. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2015. 588 с.
19. Карсавин (1994) — *Карсавин Л. П.* Святые Отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях). М., 1994. 176 с.
20. Киприан Керн (1996) — *Киприан (Керн), архим.* Патрология. Париж; М.: ПСТВИ, 1996. Т. 1. 182 с.
21. Никифоров (2008) — *Никифоров М. В.* Апологеты раннехристианские // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 3. С. 91–93.
22. Мейендорф (1992) — *Мейендорф И., прот.* Введение в святоотеческое богословие. М.: Весть-ВИМО, 1992. 359 с.
23. Морескини (2011) — *Морескини К.* История патристической философии. М.: Греко-латинский кабинет Шичалина, 2011. 864 с.
24. Поснов (1994) — *Поснов М. Э.* История Христианской Церкви (до разделения церквей — 1054 г.). Брюссель: Жизнь с Богом, 1964. 614 с.
25. Преображенский (1995) — *Преображенский П., прот.* О святом Иустине Философе и мученике и его апологиях // *Иустин Философ.* Творения. М., 1995. С. 3–16.
26. Старокадомский (1961) — *Старокадомский М. А.* Вера и разум как пути Богопознания по творениям церковных писателей первых трех веков христианства. М., 1961. 197 с.
27. Сидоров (1996) — *Сидоров А. И.* Курс патрологии: Возникновение церковной письменности. М.: Русские огни, 1996. 349 с.
28. Фокин (2005) — *Фокин А. Р.* Латинская патрология. М.: Греко-латинский кабинет Шичалина, 2005. Т. 1. 362 с.